
Бородинское сражение

сентябрь 1812

Важнейшая битва Отечественной войны - генеральное сражение, данное М.И. Кутузовым Наполеону. Русские войска, воюя на своей территории, за короткий срок смогли восстановить численность своих рядов. У Наполеона и невосполнимые потери понесла конница, что в дальнейшем во многом предопределило его поражение.

«РУССКИЕ СТЯЖАЛИ СЛАВУ БЫТЬ НЕПОБЕЖДЕННЫМИ»

После сражения под Смоленском отступление русской армии продолжилось. Это вызвало открытое недовольство в стране. Под давлением общественного мнения, Александр I назначил М.И. Кутузова главнокомандующим русской армией. В задачу Кутузова входило не только остановить дальнейшее продвижение Наполеона, но и изгнать его из российских пределов. Он также придерживался тактики отступления, однако армия и вся страна ждали от него решающего сражения. Поэтому он отдал приказ искать позицию для генеральной битвы, которая была найдена у с. Бородино, в 124 километрах от Москвы.

Русская армия подошла к селу Бородино 22 августа, где по предложению полковника К.Ф. Толя была выбрана плоская позиция протяженностью до 8 км. С левого фланга Бородинское поле прикрывал труднопроходимый Утицкий лес, а на правом, проходившем по берегу р. Колочи, были воздвигнуты Масловские флеши - земляные стреловидные укрепления. В центре позиции также были выстроены укрепления, получившие разные названия: Центральной, Курганной высоты, или батареи Раевского. На левом фланге были возведены Семеновские (Багратионовы) флеши. Впереди всей позиции, с левого фланга, у деревни Шевардино, также начал строиться редут, который должен был играть роль передового укрепления. Однако подошедшая армия Наполеона после ожесточенного боя 24 августа сумела им овладеть.

Расположение русских войск. Правый фланг занимали боевые порядки 1-й Западной армии генерала М.Б. Барклая-де-Толли, на левом фланге стояли части 2-й Западной армии под командованием П.И. Багратиона, а Старую Смоленскую дорогу у деревни Утица прикрывал 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н.А. Тучкова. Русские войска занимали оборонительное положение и были развернуты в форме буквы «Г». Такое положение объяснялось тем, что русское командование стремилось контролировать ведущие к Москве Старую и Новую Смоленские дороги, тем более что возникло серьезное опасение обходного движения противника справа. Вот почему на этом направлении оказалась значительная часть корпусов 1-й армии. Наполеон же решил нанести свой главный удар по левому флангу русской армии, для чего ночью 26 августа (7 сентября) 1812 г. перевел основные силы через р. Колочу, оставив для прикрытия собственного левого фланга лишь несколько кавалерийских и пехотных частей.

Начало сражения. Сражение началось в пять часов утра атакой частей корпуса вице-короля Италии Э. Богарне на позицию лейб-гвардии Егерского полка у с. Бородина. Французы овладели этим пунктом, но это был их отвлекающий маневр. Свой главный удар Наполеон обрушил против армии Багратиона. Корпуса маршалов Л.Н. Даву, М. Нея, И. Мюрата и генерала А. Жюно несколько раз атаковали Семеновские флеши. Части 2-й армии героически сражались против превосходящего по численности противника. Французы неоднократно врываются на флеши, но всякий раз после контратаки оставляли их. Лишь к девяти часам наполеоновские армии окончательно овладели укреплениями русского левого фланга, а попытавшийся в это время организовать очередную контратаку Багратион был смертельно ранен. «Душа как будто отлетела от всего левого фланга после гибели этого человека», - говорят нам свидетели. Ярое бешенство, жажда мести овладели теми солдатами, которые были непосредственно в его окружении. Когда генерала уже уносили, кирасир Адрианов, прислуживавший ему во время битвы (подававший зрительную трубу и пр.), подбежал к носилкам и сказал: «Ваше сиятельство, вас везут лечить, во

мне уже нет вам надобности!» Затем, передают очевидцы, «Адрианов в виду тысяч пустился, как стрела, мгновенно врезался в ряды неприятелей и, поразив многих, пал мертвым».

Борьба за батарею Раевского. После захвата флешей основная борьба развернулась за центр русской позиции - батарею Раевского, которая в 9 и 11 часов утра подверглась двум сильным атакам противника. Во время второй атаки войскам Э. Богарне удалось овладеть высотой, но вскоре французы были выбиты оттуда в результате успешной контратаки нескольких русских батальонов, возглавляемых генерал-майором А.П. Ермоловым.

В полдень Кутузов направил казаков генерала от кавалерии М.И. Платова и кавалерийский корпус генерал-адъютанта Ф.П. Уварова в тыл левого фланга Наполеона. Рейд русской конницы позволил отвлечь внимание Наполеона и на несколько часов задержал новый штурм французами ослабленного русского центра. Воспользовавшись передышкой, Барклай-де-Толли перегруппировал силы и выставил на переднюю линию свежие войска. Лишь в два часа дня наполеоновские части предприняли третью попытку овладеть батареей Раевского. Действия наполеоновской пехоты и конницы привели к успеху, вскоре французы окончательно захватили и это укрепление. В плен к ним попал руководивший обороной раненый генерал-майор П.Г. Лихачев. Русские войска отошли, но прорвать новый фронт их обороны противник так и не смог, несмотря на все усилия двух кавалерийских корпусов.

Итоги сражения. Французы смогли достичь тактических успехов на всех основных направлениях - русские армии были вынуждены оставить первоначальные позиции и отступить примерно на 1 км. Но прорвать оборону русских войск наполеоновским частям так и не удалось. Поредевшие русские полки стояли насмерть, готовые отразить новые атаки. Наполеон же, несмотря на настоятельные просьбы своих маршалов, так и не рискнул бросить для завершающего удара свой последний резерв - двадцатитысячную Старую гвардию. Интенсивная артиллерийская перестрелка велась до самого вечера, а потом французские части были отведены на исходные рубежи. Победить русскую армию не удалось. Вот, что писал отечественный историк Е.В. Тарле: «Чувство победы решительно никем не ощущалось. Маршалы разговаривали между собой и были недовольны. Мюрат говорил, что он не узнавал весь день императора, Ней говорил, что император забыл свое ремесло. С обеих сторон до вечера гремела артиллерия и продолжалось кровопролитие, но русские не думали не только бежать, но и отступать. Уже сильно темнело. Пошел мелкий дождь. «Что русские?» - спросил Наполеон. - «Стоят на месте, ваше величество». - «Усильте огонь, им, значит, еще хочется, - распорядился император. - Дайте им еще!»

Угрюмый, ни с кем не разговаривая, сопровождаемый свитой и генералами, не смевшими прерывать его молчания, Наполеон объезжал вечером поле битвы, глядя воспаленными глазами на бесконечные груды трупов. Император еще не знал вечером, что русские потеряли из своих 112 тысяч не 30 тысяч, а около 58 тысяч человек; он не знал еще и того, что и сам он потерял больше 50 тысяч из 130 тысяч, которые привел к Бородинскому полю. Но что у него убито и тяжело ранено 47 (не 43, как пишут иногда, а 47) лучших его генералов, это он узнал уже вечером. Французские и русские трупы так густо устилали землю, что императорская лошадь должна была искать места, куда бы опустить копыто меж горами тел людей и лошадей. Стоны и вопли раненых неслись со всех концов поля. Русские раненые поразили свиту: «Они не испускали ни одного стога, - пишет один из свиты, граф Сегюр, - может быть, вдали от своих они меньше рассчитывали на милосердие. Но истинно то, что они казались более твердыми в перенесении боли, чем французы».

В литературе встречаются самые разноречивые факты о потерях сторон, спорным является до сих пор и вопрос о победителе. В этой связи необходимо отметить, что ни один из противников не решил поставленных перед собой задач: Наполеон не сумел разгромить русскую армию, Кутузов - защитить Москву. Однако огромные усилия, предпринятые французской армией, оказались, в конце концов, бесплодными. Бородино принесло Наполеону горькое разочарование - исход этой битвы нисколько не напоминал ни Аустерлиц, ни Иену, ни Фридланд. Обескровленная французская армия была не в силах преследовать противника. Русская же армия, воюя на своей территории, за короткий срок смогла восстановить численность своих рядов. Поэтому в оценке этого сражения точнее всего был сам Наполеон, сказав: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу. А русские стяжали славу быть непобежденными».

РЕСКРИПТ АЛЕКСАНДРА I

«Михаил Илларионович! Настоящее положение военных обстоятельств наших действующих армий хотя и предшествовало было начальными успехами, но последствия оных не открывают мне той быстрой деятельности, с каковою бы надлежало действовать на поражение неприятеля.

Соображая сии последствия и извлекая истинные тому причины, нахожу нужным назначить над всеми действующими армиями одного общего главнокомандующего, которого избрание, сверх воинских дарований, основывалось бы и на самом старшинстве.

Известные достоинства ваши, любовь к отечеству и неоднократные опыты отличных подвигов приобретают вам истинное право на сию мою доверенность.

Избирая вас для сего важного дела, я прошу всемогущего Бога, да благословит деяния ваши к славе российского оружия и да оправдаются тем счастливые надежды, которые отечество на вас возлагает».

ДОНЕСЕНИЕ КУТУЗОВА

«Баталия 26-го числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которую пришел нас атаковать; но чрезвычайная потеря, и с нашей стороны сделанная, особливо тем, что переранены самые нужные генералы, принудила меня отступить по Московской дороге. Сего дня нахожусь я в деревне Наре и должен отступить еще навстречу к войскам, идущим ко мне из Москвы на подкрепление. Пленные сказывают, что неприятельская потеря очень велика и что общее мнение во французской армии, что они потеряли ранеными и убитыми 40000 человек. Кроме дивизионного генерала Бонами, который взят в плен, есть другие убитые. Между прочим Давуст ранен. Арьергардные дела происходят ежедневно. Теперь, узнал я, что корпус вице-короля Италианского находится около Рузы, и для того отряд генерал-адъютаната Винценгероде пошел к Звенигороду, дабы закрыть по той дороге Москву».

ИЗ МЕМУАРОВ КОЛЕНКУРА

«Еще никогда мы не теряли в одном сражении столько генералов и офицеров... Пленных было мало. Русские проявляли большую отвагу; укрепления и территория, которые они вынуждены были уступить нам, эвакуировались в порядке. Их ряды не приходили в расстройство... они храбро встречали смерть и лишь медленно уступали нашим отважным атакам. Еще не было случая, чтобы неприятельские позиции подверглись таким яростным и таким планомерным атакам и чтобы их оттаивали с таким упорством. Император много раз повторял, что он не может понять, каким образом редуты и позиции, которые были захвачены с такой отвагой и которые мы так упорно защищали, дали нам лишь небольшое число пленных... Эти успехи без пленных, без трофеев не удовлетворяли его...»

ИЗ РАПОРТА ГЕНЕРАЛА РАЕВСКОГО

«Неприятель, устроив в глазах наших всю свою армию, так сказать, в одну колонну, шел прямо на фронт наш; подойдя же к оному, сильные колонны отделились с левого его фланга, пошли прямо на редут и, несмотря на сильный картечный огонь моих орудий, без выстрела головы оных перелезли через бруствер. В тоже самое время с правого моего фланга генерал-майор Паскевич с полками атаковал штыками в левый фланг неприятеля, за редутом находящегося. Генерал-майор Васильчиков то же самое учинил на их правый фланг, а генерал-майор Ермолов, взяв батальон егерей полков, приведенных полковником Вуичем, ударил в штыки прямо на редут, где истребил всех, в нем находящихся, взял генерала, ведущего колонны в плен. Генерал-майоры Васильчиков и Паскевич опрокинули в мгновение ока неприятельские колонны и гнали оные до кустарников столь сильно, что едва ли кто из них спасся. Более действием моего корпуса описать остается мне в двух словах, что по истреблении неприятеля, возвратясь опять в свои места, держался в оных до тех пор против повторных атак неприятеля, пока убитыми и ранеными приведен был в совершенное ничтожество и уже редут мой занял г. генерал-майор Лихачев. Вашему Превосходительству самому известно, что генерал-майор Васильчиков собрал рассеянные остатки 12-й и 27-й дивизий и с Литовским гвардейским полком удерживал до вечера важную высоту, на левой конечности всей нашей линии находящуюся...»

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ ОСТАВЛЕНИИ МОСКВЫ

«С крайнею и сокрушающею сердце каждого сына Отечества печалию сим возещается, что неприятель сентября 3-е число вступил в Москву. Но да не унывает народ российский. Напротив, да поклянется всяк и каждый воскипеть новым духом мужества, твердости и несомненной надежды, что всякое наносимое нам врагами зло и вред оборотятся напоследок на главу их. Неприятель занял Москву не от того, что преодолел силы наши или бы ослабил их.

Главнокомандующий по совету с первенствующими генералами нашел за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы с надежнейшими и лучшими потом способами превратить кратковременное торжество неприятеля в неизбежную ему погибель. Сколь ни болезненно всякому русскому слышать, что первопрестольный град Москва вмещает в себе врагов отечества своего; но она вмещает их в себе пустая, обнаженная от всех сокровищ и жителей. Гордый завоеватель надеялся, вошед в нее, сделаться повелителем всего Российского царства и предписать ему такой мир, какой благорассудит; но он обманется в надежде своей и не найдет в столице сей не только способов господствовать, ниже способов существовать. Собранные и отчасу больше скопляющиеся силы наши окрест Москвы не престанут преграждать ему все пути и посылаемые от него для продовольствия отряды ежедневно истреблялись, доколе не увидит он, что надежда его на поражение умов взятием Москвы была тщетная и что поневоле должен он будет отворять себе путь из ней силою оружия...»